

ПАУЛЬ ГЕРХАРДТ: ТРАГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ

Название моего доклада звучит: "Пауль Герхардт, трагический опыт интолерантности". Однако с тем же успехом из последнего слова можно было бы убрать приставку «ин», и назвать доклад: "Пауль Герхардт, трагический опыт *толерантности*". Как такое возможно, нам предстоит увидеть.

12 марта этого года отмечалось 400 лет со дня рождения Пауля Герхардта (1607 – 1676) – величайшего немецкого церковного поэта. В разных изданиях одного из самых знаменитых сборников духовных песнопений в истории протестантизма «*Praxis pietatis melica*» число песнопений Пауля Герхардта доходило до 95. В современном официальном немецком сборнике церковных песнопений 26 из 535 хоралов принадлежат этому поэту. В этом он уступает только самому Мартину Лютеру, который является автором 30 песнопений из их общего числа. Однако влияние Пауля Герхардта не ограничивается только Германией. Его песнопения переведены на множество языков мира. В последнем издании русскоязычного сборника церковных песнопений Евангелическо-Лютеранской Церкви в России и других я насчитал 10 текстов Пауля Герхардта.

«Пауль Герхардт! Уже само имя звучит как орган и звон колоколов». Такими словами начинает Эрнст Кох биографию поэта, написанную в 1907 г. Для нашего уха эти слова звучат слишком патетично. Однако это патетика, не лишенная оснований. Без Пауля Герхардта невозможно представить себе традицию общинного пения в лютеранской церкви. Практически ни одно, пожалуй, богослужение не обходится без того, чтобы прозвучал какой-либо из его хоралов. Уже хотя бы поэтому без его имени трудно представить себе лютеранское благочестие, вообще.

Однако имя Пауля Герхардта оказалось связанным не только с церковными песнопениями, но и с одним из самых ярких и спорных моментов немецкой церковной истории: противостоянию, возникшему вокруг эдикта, который был издан курфюрстом Фридрихом Вильгельмом в 1662 г., и который закрепился в истории под характерным и актуальным для нас названием: „*Toleranzedikt*“ - «Эдикт о толерантности». К этому моменту нам и предстоит обратиться.

Но сначала нам необходимо бросить взгляд на убеждения Пауля Герхардта.

За 15 (!) лет учебы в Виттенбергском университете Герхардт прочно усваивает то направление теологии, которое обычно именуется лютеранской ортодоксией. Это было течение в молодой еще лютеранской Церкви, которое всячески заботилось о сохранении чистоты догматического вероучения. Эта цель достигалась двояким способом. Во-первых, поиском все более точных и тонких догматических формулировок, определений и классификаций, а также тщательной и скрупулезной систематизации вероучения, что нередко придавало лютеранской ортодоксии явный схоластический характер. Во-вторых,

подчеркнутой полемикой с иными вероучениями, которые открыто провозглашались лжеучениями и ересью.

Особенно ожесточенной была борьба с представителями реформатской Церкви, возникшей под влиянием Ульриха Цвингли и Жана Кальвина.

Сегодня различия между лютеранской и реформатской Церквями больше не воспринимаются, как непреодолимые. Более того: большинство лютеранских и реформатских церквей находятся в полном церковном общении.

Однако в то время ситуация была совершенно иной. Относительно молодые еще Церкви вели ожесточенную богословскую борьбу друг с другом. Особенно агрессивной была позиция ортодоксальных лютеранских теологов, которые видели в реформатском вероучении грубое и губительное искажение основ христианства.

Самому Паулю Герхардту принадлежат, например, следующие слова: «Христианин – это либо тот, кто крещен в Иисуса и исповедует Иисуса из Назарета Мессией и Спасителем мира. В этом смысле не только кальвинисты, но и паписты могут быть названы христианами. Либо же христианин – это тот, кто в чистоте и неискаженности обладает истинной и спасительной верой, являет ее плоды в своей жизни, в этом смысле я не могу считать кальвинистов христианами». Как бы ни пытались последующие комментаторы смягчить эти слова, интенция их вполне ясна. Верующих, придерживающихся даже несколько иного вероучения, нельзя назвать христианами в полном смысле этого слова.

Здесь мы подходим к удивительному парадоксу лютеранской ортодоксии. Как мы видим из слов самого Герхардта, понятие веры включает в себя для него аспект реальной повседневной жизни. Вера должна быть живой, проявляться в жизни. И, как справедливо указывает Фридрих де Боор, упреки, адресованные лютеранской ортодоксии, - упреки в интеллектуальной сухости и догматической мертвости, исходящие, прежде всего, от теологов последующего пиетизма, являются совершенно несправедливыми. Практическое благочестие было для ортодоксов не менее важно, чем догматическая чистота.

Однако ведь как раз в области практического и живого благочестия различия между направлениями христианства (тем более столь близкими друг ко другу, как реформатство и лютеранство) исчезающе малы. Песнопения самого Герхардта уже при его жизни охотно исполняли и прихожане реформатских церквей. И в них, в этих песнопениях, мы не найдем никаких следов догматической узости. Они ярко выражают живые чувства практически любого верующего: печаль, раскаяние, радость, изумление перед величием Божьим и так далее. В качестве примера приведу стоящий в нашем сборнике песнопений перевод двух последних строф из, пожалуй, самого известного песнопения Герхардта «О Лик, залитый кровью», которое представляет собой обращение к распятому Христу:

Когда ж мой час настанет, / Пребудь и Ты со мной, / От хищной

пасти ада / Закрой меня Собой! / Когда, прощаясь с миром, /

Зайдусь в тоске, в слезах, / Пусть придадут мне силы / Твои и боль,

и страх.

Щитом тогда явись мне, / Утешь меня, Христе. / Дай пред собою

видеть / Твою смерть на кресте. / Хочу Твой крест тогда я /

В душе запечатлеть. / Блаженна смерть такая, / Дай мне так умереть!

Стоит сравнить этот текст с написанным незадолго до смерти духовным завещанием Пауля Герхардта, которое тот адресует своему сыну. Среди всего прочего там содержатся слова: «Святую теологию изучай в чистых школах и в неизвращенных университетах, и берегись синкретистов, ибо они ищут временного, и не верны ни Богу, ни людям». Что бы ни писали комментаторы, нам сейчас почти невозможно представить, что и те и другие предсмертные слова написаны одним человеком. Казалось бы, перед лицом такого интенсивного и страстного обращения ко Христу, лишенного какого-либо рационалистического и догматического наполнения, какое мы встречаем в словах герхардтовского песнопения, должны потерять всякое значение тонкие вероучительные различия! Разве можно отказываться назвать христианином того, кто так же как ты возлагает все свое упование на Христа, даже если он не разделяет твоего вероучения во всех его деталях?

Но для теолога лютеранской ортодоксии здесь не было очевидного для нас сегодня напряжения или даже противоречия. Правильное вероучение, как мне кажется, воспринималось как необходимая форма, которая, разумеется, должна быть наполнена живым благочестием. Но без этой четкой рамки благочестие бесполезно: молятся, испытывают религиозные переживания и язычники, и верующие других религий. Но все это направлено в ложную сторону. Только истинное вероучение делает живое благочестие осмысленным.

Итак, теперь мы можем перейти к самой сути ставшего знаменитым конфликта. У нас нет времени для его подробного рассмотрения. Я постараюсь обрисовать лишь общую линию его развития.

Прусский курфюрст Фридрих Вильгельм уже в третьем поколении является реформатом. При этом его единоверцы составляют в Пруссии ничтожное меньшинство: около 15 тысяч, по сравнению с двумя миллионами лютеран. Он заинтересован и в привлечении в свою страну беженцев и переселенцев разных вероисповеданий. Поэтому одним из его устремлений является прекратить ту полемику, что ведется между, прежде всего, лютеранами и реформатами. У нас при этом, однако, нет серьезных оснований видеть в этом желании исключительно политический интерес. Личная искренняя набожность курфюрста, его заинтересованность в прекращении распрей между христианами играет в его устремлениях важнейшую роль.

Таким образом, появляется тот самый знаменитый эдикт, который носит название: «Мандат, как обеспечить согласие между подданными из реформатских и лютеранских проповедников». Его главная цель – принудить лютеранских теологов к отказу от жесткой полемики с реформатами. На основании эдикта начинаются напряженные переговоры между представителями обоих вероисповеданий. Пауль Герхардт, уже знаменитый поэт, служит в это время общинным пастором в Берлине. Ему поручается подготовить

теологические заключения по данному вопросу для лютеранской стороны. Эти заключения получаются крайне жесткими и ведут к дальнейшему обострению ситуации.

В 1664 г. выходит второй Эдикт о толерантности. Теперь курфюрст требует от каждого лютеранского пастора подписать заявление, в котором тот обязуется не только – я цитирую: «в постоянной сердечной молитве взывать к Богу об укреплении церковной толерантности, и не упускать возможности использовать все предложенные средства для ее развития», но и отказаться от «Формулы согласия» (наиболее полемической книги из корпуса лютеранских вероисповедных писаний), а также от использования обряда экзорцизма при крещении.

Большинство пасторов подписывают данное заявление. Пауль Герхардт, как и следовало ожидать, категорически отказывается делать это.

Ему немедленно сообщается о его отстранении от пасторского служения.

Данное решение курфюрста вызывает серьезные волнения в Берлине. Множество цехов, а, в конце концов, и магистрат обращаются к Фридриху Вильгельму с просьбой восстановить Герхардта в должности. Курфюрст не может игнорировать столь массивное сопротивление и своим указом восстанавливает Пауля Герхардта в его служении. При этом он не требует от него более подписывать спорное заявление, а просто уклончиво замечает, что, видимо, Герхардт не понял подлинного смысла его эдикта.

Это решение курфюрста жители Берлина встречают с великим облегчением и истинным ликованием. Однако дальше происходит нечто непредсказуемое. Герхардт обращается к курфюрсту с просьбой все же точно изложить условия своего восстановления и подчеркивает невозможность для себя отказаться от каких-либо своих убеждений. Ответом является, естественно, окончательное отстранение Герхардта от служения.

Остаток своей жизни он проводит подальше от Берлина, служа архидиаконом в городе Люббен.

Существует множество интерпретаций этого берлинского конфликта: от сословной борьбы (где Герхардт воспринимается, как духовный лидер мелкой буржуазии, вовлеченной в сопротивление зарождающему абсолютизму), до упреков поэту в болезненной щепетильности и окостенелом догматизме, или до превознесения его фигуры, как мученика за свободу совести и за независимость Церкви от государства.

Я вижу здесь трагическое столкновение двух подходов к толерантности. Для курфюрста она связана с установлением мирных и доброжелательных отношений между двумя родственными конфессиями. Можно критически смотреть на его попытки прекратить полемику путем издания законодательных актов, однако, если вспомнить о ее ожесточенности, то Фридриха Вильгельма вполне можно понять. Герхардт же настаивает на своем праве защищать свои убеждения, даже если они имеют серьезный конфликтный потенциал.

С современной точки зрения позиция курфюрста (при всех возможных оговорках) не может не вызывать симпатий. Что же касается Пауля Герхардта, то даже страстным его сторонникам требуется немало усилий и изобретательности, чтобы с содержательной стороны оправдать его позицию. Однако его, по сути, одинокое противостояние

могущественному правителю также привлекает к себе сочувственное внимание. То, к чему он стремится, это тоже толерантность со стороны государства к своим неудобным для многих, в том числе для властей убеждениям.

В этом и состоит внешняя сторона трагичности описанного мною конфликта: обе его партии по-своему апеллируют к толерантности и обе не способны ее по-настоящему проявить.

Однако подлинная трагичность находится в том внутреннем раздвоении, что являла собой лютеранская ортодоксия, призывающая к живой набожности, с одной стороны, и застывающая в догматических формулах, с другой.

Пауль Герхардт – церковный деятель, чье имя связано с непримиримой борьбой против эдикта о толерантности и с ожесточенной, доходящей до крайности полемикой против христиан другого вероисповедания.

Пауль Герхардт – церковный поэт, чьи песнопения объединяли, и по сей день объединяют верующих множества христианских конфессий.

Не будет большим преувеличением сказать, что эти два полюса являются символом того постоянного напряжения, в котором находится лютеранское благочестие, - напряжения, как хочется надеяться, творческого.

В заключение, чтобы ярче показать трагичность описанного конфликта приведу еще два факта. Первое: хорал «Предай свое хождение», написанный Паулем Герхардтом, по некоторым данным был и оставался любимым духовным песнопением курфюрста Фридриха Вильгельма.

Второе: после этого берлинского конфликта Пауль Герхардт, как поэт, замолчал навсегда, - из-под его пера больше не вышло ни одного песнопения...